

ния, а 55,5 % попались впервые. На втором месте после наркопреступности идут кражи – 15,6 % (ст. 158 УК РФ), далее разбой – 6,7 % (ст. 162 УК РФ), мошенничество – 4,4 % (ст. 159 УК РФ), нанесение телесных повреждений – 4,4 % и убийство – 4,4 % (ст. 105 УК РФ). Отдельно были проанализированы причины, подтолкнувшие женщин на совершение тяжких преступлений – убийств, причинение тяжкого вреда здоровью. Замечено, что большинство совершаемых убийств происходят в основном в сфере семейно-бытовых отношений. Чаще всего жертвами преступниц становятся мужья, сожители, дети и другие близкие родственники. Убийство мужа или сожителя, как правило, – результат затянувшихся семейных конфликтов.

Таким образом, социально-демографический портрет современной женщины-преступницы в Астраханском регионе можно определить так: городская жительница, коренная астраханка, в возрасте 25–45 лет, чаще всего одинокая, имеющая ребенка (детей), со средним образованием, участвующая в обороте наркотиков, воровка или мошенница. Главный мотив совершения преступлений – корысть, расчет.

В условиях продвижения российского общества по пути развития правового социального государства и стабилизации рыночных отношений проблематика девиантного поведения в стране приобретает все большую актуальность. В связи с этим есть все основания утверждать, что именно социологические исследования девиаций послужат той фундаментальной основой для определения и анализа факторов, способствующих борьбе с ростом преступного поведения в стране, которой не хватало в управленческой сфере, внесет как научную, так и, прежде всего, практическую значимость в решение одной из актуальных проблем жизнедеятельности современного социума – женской преступности.

Библиографический список

1. *Женщины и мужчины России* – 2008 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_50/Main.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. *Уголовный кодекс РФ (УК РФ)* от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru/popular/ukrf/10_24.html, Свободный. Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (сравнительный анализ)

Д.С. Кокорхоева

(Россия, Республика Ингушетия, Назрань)

Аннотация. *Исследована политическая институционализация органов законодательной власти в российских регионах (1990–2000-х гг.). Проведено сравнение тенденций и специфики развития законодательных органов в различных типах регионов.*

Annotation. *In this article political institutionalization of legislative power organs in Russian regions (1990–2000-s) is investigated. The tendencies and specific features of legislative power organs development are compared in different types of regions.*

Ключевые слова: *органы законодательной власти, политическая институционализация, российские регионы, сравнительный анализ.*

Key words: *legislative power organs, political institutionalization, Russian regions, comparative analysis.*

Актуальность заявленной темы состоит в том, что постсоветская трансформация политической системы России в значительной степени зависит от институционального строения и политических функций органов законодательной власти. Федеративный тип российского государства делает особенно актуальным сравнительный ана-

лиз развития законодательных собраний в разных типах регионов: республиках, автономных образованиях, административно-территориальных единицах.

Цель статьи – выявить тенденции и специфику развития органов законодательной власти в российских регионах 1990–2000-х гг. в сравнительном аспекте.

Задачи работы включают в себя установление: политического статуса законодательных органов, порядка их выборов, институционального строения, функций и полномочий.

Региональные законодательные органы формировались в неблагоприятных условиях конституционного кризиса 1993 г. на федеральном уровне. После насильственного установления президентского режима 4 октября 1993 г. состоялись указы Б.Н. Ельцина о роспуске региональных и местных Советов. Основу формирования новых представительных органов составили Указы «Об основных началах организации государственной власти в субъектах РФ» и «Основные положения о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа» (22 октября 1993 г.). Симптоматично, что республики РФ не подпадали под действие этих указов и создавали свои представительные органы на основе собственного законодательства.

Указы Президента РФ устанавливали срок полномочий региональных собраний на 2 года в рамках поэтапной конституционной реформы. Они создавали предельно общие нормы выборов: их прямой и тайный порядок, создание избирательных округов соразмерно числу граждан (с отклонением от средней нормы не более 10 %), верхний предел корпуса депутатов – 50 чел. (из них максимум 40 % на штатной оплачиваемой основе). Название органа представительной власти, его полномочия и региональные положения о выборах определяли сами администрации субъектов РФ, а позже – региональные парламенты.

В большинстве регионов законодательные органы были впервые созданы в 1994–1995 гг. Мажоритарные системы и низкое влияние партий надолго ослабили политический «вес» парламентов, помогли закрепить преобладание исполнительной власти. Кроме того, нарезка избирательных округов и нормы представительства в массовом порядке отличались от законных.

В 1996 г. был принят федеральный закон «О выборах в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ», устанавливающий ограничение срока полномочий законодательных органов до 4 лет.

Закон от 6 октября 1999 г. распространил единые принципы организации представительных органов и на республики РФ. Этот закон установил статус законодательных (представительных) органов власти субъекта РФ. Региональный парламент является постоянно действующим высшим и единственным органом законодательной власти субъекта РФ. Его наименование, структура, число депутатов (в том числе на профессиональной основе), срок полномочий (не более 5 лет) устанавливает Конституция либо Устав субъекта РФ. Парламент правомочен, если в его состав уже избраны не менее $\frac{2}{3}$ установленного числа депутатов [18, ст. 5005].

Согласно тому же закону РФ, полномочия законодательного органа региона включают в себя:

- 1) принятие Конституции либо Устава субъекта РФ и поправок к ним;
- 2) законотворчество по предметам ведения субъекта РФ и предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в пределах полномочий субъекта;
- 3) утверждение бюджета субъекта РФ и отчета об его исполнении;
- 4) установление основ организации и деятельности законодательного органа субъекта РФ;
- 5) установление порядка проведения выборов в органы местного самоуправления на территории субъекта РФ, порядка деятельности органов местного самоуправления;
- 6) утверждение программ социально-экономического развития субъекта РФ;
- 7) установление налогов и сборов в ведении субъекта РФ;
- 8) установление порядка формирования и деятельности внебюджетных и валютных фондов субъекта РФ, проверка их расходования;

- 9) установление порядка управления и распоряжения собственностью субъекта РФ;
- 10) утверждение заключения и расторжения договоров региона;
- 11) установление порядка референдума и выборов региональных органов власти;
- 12) определение административно-территориального устройства субъекта РФ;
- 13) утверждение схемы управления субъектом РФ, определение структуры его высшего исполнительного органа власти;
- 14) регулирование иных вопросов в ведении и полномочиях региона по законодательству.

Правовые акты, принимаемые легислатурой региона, не должны противоречить федеральным законам, указам Президента РФ, постановлениям российского Правительства. Конституция (Устав) региона принимается, как и поправки к данному основному закону, большинством в $\frac{2}{3}$ числа всех депутатов. Законы региона принимаются простым большинством (50 % + 1 чел.) после рассмотрения в двух и более чтениях. Законы подписываются главой администрации (правительства) либо возвращаются для повторного рассмотрения депутатами. Высшее должностное лицо субъекта РФ обязывается принять решение о законе не позже 14 дней со времени его поступления из парламента. Вето губернатора (президента) региона не абсолютно: в случае повторного одобрения прежней редакции закона $\frac{2}{3}$ депутатов глава региона обязан подписать и обнародовать такой закон.

Легислатура региона может досрочно прекратить свои полномочия в случаях самороспуска или роспуска высшим должностным лицом субъекта РФ.

С нормативной точки зрения, законодатели проводят парламентский контроль над исполнительной властью. Автор одного из наиболее системных исследований Д.Л. Сурков выделяет виды парламентского контроля по этому направлению:

- 1) отрешение главы исполнительной власти от должности;
- 2) выражение недоверия правительству, должностным лицам администрации;
- 3) финансовый контроль;
- 4) контроль над распоряжением региональной собственностью, над проведением программ социально-экономического развития региона;
- 5) контроль над исполнением законов [19, с. 285–286].

Анализ деятельности парламентов приводит политологов к выводу о неформальных технологиях контроля глав регионов над законодателями. Р.Ф. Туровский выделяет следующие технологии контроля:

- 1) формирование послушного состава депутатов путем давления на избирателей (особенно в сельских окраинах и в мажоритарных округах);
- 2) избирательные системы многих регионов не запрещают становиться депутатами главам муниципальных образований, государственным и муниципальным служащим;
- 3) влияние на избрание председателя парламента – «губернаторской тени», зависимого члена «команды»;
- 4) текущий контроль главы региона над работой парламента: подбор и лоббирование состава заместителей спикера, глав комитетов, сотрудников аппарата [20, с. 70–71].

К этому перечню следует добавить законодательную инициативу администраций и их глав, во многих регионах именно исполнительная власть стала основным разработчиком законодательных актов. Проведем сравнение составов и институционального строения региональных парламентов.

Федеральное законодательство России не обязывает субъекты РФ к единому наименованию своих легислатур. Это и Законодательные собрания во многих регионах (Адыгея, Краснодарский край, половина всех областей); областные (краевые) думы (Приморский и Ставропольский края, Самарская область и др.); областные Советы (Кемеровская, Орловская, Липецкая и др. области). Свообразны наименования парламентов республик и автономий, отражающие этнические традиции: Хасэ в Адыгее, Эл Курултай в Республике Алтай и Башкортостане, Народный Хурал в Бурятии и др. [1, с. 16–17, 41, 46–47].

Численность депутатов колеблется от 8 в малонаселенных автономных округах до 194 в Башкирии. В зарубежной политической науке оптимальная численность де-

путатов подсчитывается по «формуле кубического корня» Р. Таагеперы и М. Шугарта. Число депутатов оптимально, если оно равно кубическому корню от населения территории. Значит, для большинства российских регионов, имеющего население от 1 до 5 млн чел., желателен состав из 100–170 депутатов. Следствиями увеличения легислатуры являются улучшенный контроль электората над своим избранником, облегчение работы партийных фракций. И напротив, исполнительной власти станет тяжелее манипулировать депутатами. Однако потребность такой реформы, похоже, не осознается в региональных сообществах. Напротив, многие регионы стремятся сократить число своих депутатов под предлогом экономии финансов.

В 1990-х гг. сложился плюрализм строения законодательных органов. Поскольку бикамерализм считался выражением этнической специфики, его внедряли чаще всего республики. Две палаты существовали в 7 парламентах регионов: Республиках Адыгея, Башкортостан, Карелия, Кабардино-Балкария, Тыва, Саха-Якутия и в Свердловской области [8, с. 37–52]. Двухпалатная структура нова для российских регионов. Она вводилась в период «парада суверенитетов» 1990–1991 гг. как свидетельство повышения статуса республики. Свердловская область избрала этот же путь в рамках своей борьбы за выравнивание прав областей и республик. Она всегда проявляла на протяжении реформ свою готовность к инновациям и экспериментам. Некоторые регионы обсуждали переход к двухпалатному строю парламента, но после дискуссий отвергли его. Например, в Дагестане опасались, что верхняя палата на основе представительства народов усугубит этнические конфликты. В итоге предпочли резервировать в Народном Собрании республики места для национальностей соразмерно их численности по округам [14, с. 60–77]. Создать вторую палату краевой думы в составе руководителей органов власти городов и районов предлагал ставропольский губернатор А. Черногоров. Нетрудно увидеть, что замысел копировал порядок формирования Совета Федерации РФ 1996–2000 гг., однако депутаты отвергли двухпалатную систему [4].

Двухпалатная система, по выражению С.Е. Заславского, имеет «высокую политическую себестоимость». Такая структура парламента требует разделить компетенции, предметы ведения и полномочия между палатами, установить процедуры решения вопросов совместного ведения и др. [8, с. 39–40]. В условиях централизации власти в 2000-х гг. проявилась тенденция отказа регионов от бикамерализма. Единственный субъект федерации, который вновь ввел двухпалатное строение собрания, – Чеченская Республика.

В отличие от Федерального Собрания РФ, где полномочия палат полностью разделены и ограничены случаи совместных заседаний палат, региональные парламента имеют предметы совместного ведения и проводят совместные заседания по законному перечню вопросов.

Политически важны различия в процедуре голосования обеих палат. Если решение принимается большинством от общего числа депутатов обеих палат, как в Госсобрании – Курултае Башкортостана, то достаточно добиться простого арифметического большинства. В Законодательном Собрании Карелии требуется набрать большинство в каждой из палат, то есть борьба за голоса затруднена.

Семь регионов демонстрируют значительные различия в процедуре принятия решений. В Башкортостане и Свердловской области принят порядок взаимодействия палат, копирующий общероссийские нормы. Карелия установила усложненный порядок законотворчества. Палата представителей принимает Конституцию и законы в сфере конституционного права Республики Карелия, устанавливает налоги и сборы, бюджет. Остальные законы (большая часть комплекса актов) принимает Палата республики, которая в 3-дневный срок рассматривает для одобрения либо вето законы, внесенные Палатой представителей. По вопросам конституционного права и изменений в Конституцию РК требуется большинство в $\frac{2}{3}$ состава верхней палаты. Возможно создание согласительных комиссий обеих палат [8, с. 44–45].

Как установил С.Е. Заславский, при существующих различиях во взаимодействии палат их нельзя разделить на «нижнюю» и «верхнюю». Требуется дополнить

этот привычный признак делением на сессионную и постоянную палаты: по порядку избрания, осуществления функций, интенсивности работы [8, с. 45–49; 11]. Депутаты сессионной палаты действуют непостоянно, на непрофессиональной основе и бесплатно, что возмещается широкими полномочиями. Депутаты постоянной палаты получают вознаграждение и не могут совмещать свои функции с государственной службой и иной оплачиваемой деятельностью.

Пример Башкортостана показывает, что состав верхней палаты из руководителей исполнительной власти не соответствует разделению властей и превращает палату в «институт административно-корпоративного представительства» (определение А.Г. Еникеева) [7, с. 332]. Соотношение численности двух палат таково, что верхняя палата в несколько раз превосходит нижнюю, то есть определяет исход голосований. Расширение круга вопросов, подлежащих совместному решению, еще более ослабляет самостоятельность депутатов; кроме того, в башкирском парламенте не допускаются фракции. По новой редакции Конституции Башкортостана (декабрь 2002 г.), не допускается совмещение депутатской деятельности с государственной службой. Парламент стал однопалатным. Но и новый состав Госсобрания (Курултая) всецело лоялен президенту республики, обеспечивая моноцентризм реальной власти [3].

Относительно демократический характер носит бикамерализм в Свердловской области [9, с. 316]. Областная Дума решает вопросы о доверии правительству региона, избирает состав Уставного суда, может выдвигать обвинения против губернатора и отрешать его по импичменту. Палата представителей принимает отставку губернатора, отрешает его от должности по представлению Думы после заключения Уставного суда. Поскольку региональный парламентаризм очень молод, следует ожидать еще многих реформ строения собраний. Дополним нормативный анализ рассмотрением институциональной структуры парламентов. Эта структура понимается в политической науке как неформальные «правила игры», которые организуют взаимоотношения между акторами [12, с. 17]. П.В. Панов и К.А. Пунина подразделяют возможные структуры на три вида: 1) формально-групповые; 2) неформально-групповые; 3) комитетские. Чем выше демократичность режима, тем более формализованы его институты [15, с. 125–127].

Формально-групповой вид строения. Депутаты объединяются в организационно и идейно фиксированные группировки, например, партийные фракции. Этот вид успешнее развивается при смешанной или пропорциональной избирательной системе, при парламентской форме правления. В связи с внедрением смешанной модели голосования в российских регионах (2003–2008 гг.) фракции постепенно станут повсеместными, если только элиты не «вольют старое вино в новые мехи».

Неформально-групповая институциональная структура предполагает создание в парламенте устойчивых, но неформальных объединений. Как отмечают П.В. Панов и К.А. Пунина, структура может выступать в двух разновидностях: в политических сетях добровольных и равноправных отношений либо патрон-клиентарных кланах. «Комитетская» структура означает выражение групповых интересов посредством парламентских комитетов.

Три вида институтов на деле переплетаются и взаимодействуют. Для российских регионов характерно преобладание неформальных структур и отношений, которые замедляют движение к демократическим процедурам [10, с. 6–17; 16, с. 8–21]. На материалах Пермской области установлена зависимость между «советским наследием» внутрирегиональной среды и политическими институтами. Л.А. Фадеева и Н.В. Борисова подметили, что разнообразие ведомственной принадлежности предприятий вызвало к жизни «менеджерский» характер позднесоветских институтов власти. Исподволь закрепились традиции «мирного» согласования интересов равновесных экономических группировок [2, с. 72]. Продолжая логику рассуждений, можно сделать вывод о склонности моноотраслевых регионов к авторитаризму. Но социоэкономическая структура – не единственный фактор практик взаимодействий. Важен и тип правления («президентская» модель ослабляет влияние партий), и наличие / отсутствие доминирующего актора режима. Если глава региона добивается неограниченной власти, то для

него полезны патрон-клиентарные группы в парламенте либо «партия власти» [15, с. 132–133]. Если элиты политически расколоты и существует политическая культура участия, напротив, лидеру выгоден вариант формальных институтов.

Случай Пермской области, по мнению П.В. Панова и К.А. Пуниной, дает «институциональный гибрид» – достаточно органичное сращивание формальных (фракционных, комитетских) и неформальных (клиентельных) институтов. В сравнении с Ингушетией, Башкортостаном или Краснодарским краем такая система демократична. Контрастный случай Белгородской областной думы истолковал Е.В. Реутов. Принадлежность кандидата к региональной элите (экономической или административной) – основной ресурс победы на выборах. Все более устойчива тенденция воспроизводства закрытости законодательной власти от незлитных акторов. Слабые по ресурсам оппозиционеры-одиночки вытесняются из белгородского парламента. Региональный политический процесс вытесняется из публичной сферы в сеть неформальных клиентарных отношений [17, с. 82–83].

На степень демократизма законодательного органа влияет его партийность. Общеизвестно, что до недавних пор уровень представленности партий в региональных собраниях был крайне низким. По подсчетам А.П. Овчинникова, в среднем по всем регионам страны чуть более 20 % кандидатов в депутаты ЗСК выдвигались избирательными объединениями и блоками (к 2002 г.). Если в Москве регистрировалось 44 таких объединений, то в 10 субъектах РФ объединения и блоки не выдвигали своих кандидатов вовсе. А в некоторых республиках, например, в Башкортостане, законы не позволяли блоками выдвигать кандидатов [13, с. 86]. До введения в 2003 г. смешанной системы с избранием по партийным спискам от 15 до 50 % депутатов (а ее следствия еще не проявились четко), уровень партийности депутатов падал. А.Ю. Глубоцкий и А.В. Кынев подсчитали, что в 84 регионах за последний цикл заявленная партийность снизилась в 38 случаях, в 18 – не изменилась, в 18 – немного выросла. 10 регионов избирали фактически беспартийные парламента [5, с. 80].

Методики сравнительного анализа уровня партийности региональных парламента достаточно разработаны. Так, Г.В. Голосов применил количественные индикаторы уровня партийности [6, с. 21–29]. Они таковы: внутриэлитный конфликт (победа инкумбента = 0, его поражение при слабом влиянии партий на исход = 1, поражение при сильном влиянии партий = 2). «Институционализированные партии» – сумма долей (%) голосов, поданных за партийные списки и за выдвинутых от партий кандидатов. Максимальное возможное значение составит 200 %, минимальное – 0. Средневзвешенная величина избирательного округа вычисляется путем возведения всех величин (численности электората) отдельных округов в квадрат, суммирования этих квадратов и деления суммы на число мест в парламенте. Корреляционный анализ взаимосвязей этих переменных привел Г.В. Голосова к выводу: наиболее значима зависимость между внутриэлитным конфликтом и исходом выборов. Относительно слабо влияние институционализации партий на «выход» системы.

А.Ю. Глубоцкий и А.В. Кынев разграничили индикаторы заявленной партийности (официальной принадлежности к партии) и реальной партийности (устанавливается по голосованиям, высказываниям депутатов, экспертным оценкам) [5, с. 80–81, 84–85]. На интервале 1993–2003 гг. эти исследователи выявили семь групп регионов (некоторые регионы относятся к нескольким группам одновременно, так как переходны). Были выявлены значительные различия между уровнями партийности региональных парламента. Причинами можно назвать статус субъекта федерации. Республики склонны к низкой, номенклатурной (имитационной) партийности либо к доминированию одной политической силы. Важны и кливажи политического пространства по осям «город – село» и «север – юг». Высокая региональная партийность чаще отмечается в урбанизированных областях Центральной России, Северного Урала, Сибири, Дальнего Востока. «Красный пояс» Центрального Черноземья и Юга давал в 1990-х гг. высокий заявленный уровень партийности за счет КПРФ. Но солидарное голосование – это скорее признак патерналистской культуры, чем готовности к конкурентной политической системе.

После принятия федерального законодательства об обязательном внедрении смешанной системы (с июля 2003 г.) статус и политический состав парламентов серьезно изменились. Из региональных собраний ушли главы органов местного самоуправления, государственные и муниципальные служащие. Формирование минимум 50 % состава депутатов по спискам от общероссийских партий повысило интеграцию парламентской системы России, заставило глав регионов согласовывать свои интересы с правящей партией. Повысился и статус председателей законодательных органов. Сложившаяся система властвования элит будет развиваться от «лобового» патронажа над депутатами к более гибким приемам деятельности фракций и парламентских комитетов.

Федеральный закон № 67-ФЗ от 12 июля 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (п. 16 ст. 35) установил, что не менее 50 % избираемых депутатов законодательных органов субъектов РФ должны избираться на пропорциональной основе. Эти 50 % мандатов распределяются между списками кандидатов, выдвинутыми избирательными объединениями, и блоками пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов. Минимальный процент голосов, дающих списку от объединения (блока) право на распределение мест (заградительный барьер), устанавливается законом самого региона. Причем заградительный барьер определяется так, чтобы к распределению мандатов было допущено не менее 2 списков кандидатов, получивших в сумме более 50 % голосов избирателей-участников голосования.

Тем самым создана нормативная основа для важных реформ роли региональных парламентов. Их депутаты будут действовать на основе партийных программ и в рамках фракционной дисциплины. С 2005 г. легислатуры повысили свою роль в формировании корпуса высших должностных лиц. Партии, получившие большинство голосов на региональных выборах, получили право рекомендовать кандидатуру в главы региона (с 2006 г.). Иными словами, легислатуры становятся более структурированными и интегрированными в общероссийскую политическую систему.

Показателями реформы региональных собраний могут служить тип избирательной системы, число депутатов, заградительный барьер, характер списков кандидатов, тип голосования по спискам, эффективное число парламентских партий, индекс фракционализации. В регионах России с 2005 г. преобладают смешанные избирательные системы с числом депутатов от 14 до 62, с заградительным барьером 5 %, с общими списками и закрытым голосованием. Пропорциональная система сохранилась только в 1 регионе. Высокий барьер (свыше 5 %) отмечен в 10 регионах. Открытое голосование – лишь в 5 случаях. Причинами сверхпредставленности ведущих партий в парламентах служат: высокий заградительный барьер, отмена голосования «против всех», низкая активность избирателей.

В реформировании нуждается и модель работы фракций в региональных парламентах. Ныне она слабо регламентирована, создает риск доминирования одной партии либо главы региона. Независимо от численности, фракции должны быть равноправными в своей деятельности, как и депутаты, независимы от системы избрания. Необходимо рассматривать на заседаниях парламента законодательные инициативы фракций; включать представителей фракций в коллегиальные органы легислатуры; наделять фракции правом требовать созыва внеочередных заседаний; обеспечивать пропорциональное представительство фракций при избрании председателей комитетов; устанавливать обязательную квоту избрания депутатов-представителей фракций для работы на постоянной (оплачиваемой) основе; создавать аппарат фракций.

Политико-идеологические ориентации губернаторов, а в силу их доминирующей роли во многих сообществах и режимов в целом, стали внешне однородными. Но такова внешняя сторона политических процессов, которые при экономическом кризисе или затруднениях в подавлении сепаратизма могут пойти по руслу диверсификации региональных собраний.

Полагаем, что надо продолжить реформы не только институтов, но и отношений между субъектами политической власти. Необходимо развивать реальное разделение

властей; создавать сильные и автономные парламенты регионов с плюралистичным составом депутатов; обеспечивать независимость местного самоуправления и судов. Статус президентов республик РФ не может выходить за пределы федерального законодательства, а политический «вес» высших должностных лиц регионов надо выровнять.

Библиографический список

1. **Автономов, А. С.** Региональные парламенты в современной России [Текст] / А. С. Автономов. – М. : Изд-во МОНФ, 2000.
2. **Борисова, Н. В.** Региональная легислатура как институт согласования интересов [Текст] / Н. В. Борисова, Л. А. Фадеева // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. – М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. иссл., 2002. – С. 71–75.
3. **Ведерников, А.** Страхи и страсти власти: Руководящая номенклатура в Башкирии не собирается менять старые привычки [Текст] / А. Ведерников // Независимая газета. – 2003. – 13 мая.
4. **Вольная Кубань.** – 1998. – 17 октября.
5. **Глубоцкий, А. Ю.** Партийная составляющая Законодательных собраний российских регионов [Текст] / А. Ю. Глубоцкий, А. В. Кынев // Полис. – 2003. – № 6. – С. 71–87.
6. **Голосов, Г. В.** Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы (О причинах развития политических партий в регионах России) [Текст] / Г. В. Голосов // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 18–32.
7. **Еникеев, А. Г.** Представительная власть и политический процесс в Республике Башкортостан [Текст] / А. Г. Еникеев // Россия: Политические вызовы XXI века. – М., 2002. – С. 329–332.
8. **Заславский, С. Е.** Российский бикамерализм в региональном измерении [Текст] / С. Е. Заславский // Вестник Моск. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 37–52. – (Сер. 12. Полит. Науки).
9. **Медушевский, А. Н.** Сравнительное конституционное право и политические институты [Текст] / А. Н. Медушевский. – М. : ВШЭ, 2002.
10. **Меркель, В.** Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях [Текст] / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – № 1. – С. 6–17.
11. **Независимая газета.** – 2004. – 7 июня.
12. **Норт, Д. М.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. М. Норт. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997.
13. **Овчинников, А. П.** Политическая регионалистика: три уровня власти в региональном измерении [Текст] / А. П. Овчинников. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2002.
14. **Палчаев, А. М.** Место и роль Народного Собрания в структуре государственного устройства Республики Дагестан [Текст] / А. М. Палчаев // Вестник Моск. ун-та. – 2000. – № 2. – С. 60–77. – (Сер. 18. Социология и политология.)
15. **Панов, П. В.** Конфликты и «порядок» в региональном парламенте: На примере Законодательного собрания Пермской области [Текст] / П. В. Панов, К. А. Пунина // Полис. – 2003. – № 6. – С. 125–127.
16. **Пивоваров, Ю. С.** О «нормативности фактического» в русской политике [Текст] / Ю. С. Пивоваров // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. – Ростов-н/Д. : Изд-во СКАГС, 2004. – С. 8–21.
17. **Реутов, Е. В.** Региональное законодательное собрание: особенности формирования и функционирования [Текст] / Е. В. Реутов // Сопис. – 2003. – № 9. – С. 82–83.
18. **Собрание** законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
19. **Сурков, Д. Л.** Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) [Текст] / Д. Л. Сурков. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1999.
20. **Туровский, Р. Ф.** Динамика регионального политического процесса в России [Текст] / Р. Ф. Туровский // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 64–86.